

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВИКТОРИЯ ВОЛЬСКАЯ
ТАКАЯ РАЗНАЯ
ЛЮБОВЬ

Виктория Вольская

Такая разная любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63938701

SelfPub; 2022

Аннотация

Миша и Леша друзья, бывшие одноклассники, совладельцы крупного ресторана. Молодые, амбициозные и холостые парни живут в свое удовольствие и радуются жизни, но ровно до того момента, пока в их сердцах не пускает корни любовь. Мужчинам придется пройти свой тернистый путь к счастью. Каждый пойдет своей дорогой к цели "вместе и навсегда". Любовь для каждого из них своя. Разная.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Елена	4
Глава 2	19
Елена	19
Глава 3	26
Миша	26
Глава 4	31
Елена	31
Глава 5	41
Елена	41
Глава 6	48
Миша	48
Елена	52
Глава 7	57
Миша	57
Глава 8	66
Лёша	66
Миша	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Виктория Вольская

Такая разная любовь

Глава 1

Елена

– Ну что, красота моя, когда намечается наша встреча выпускников? – в мой кабинет входит владелец ресторана «Виктория» Алексей Смирнов, одаривая широкой улыбкой. Он всегда улыбается, ни разу за весь период нашего знакомства не видела его хмурым, а знакома я с этим кареглазым пепельным блондином под два метра ростом с семи лет, мы сидели с первого класса за одной партой. В седьмом нас рассадили по моей просьбе, так как от его хохотушек падала моя успеваемость, а я мечтала о золотой медали. После очередного остроумного анекдота посреди урока мы расхохотались на весь класс, за что получили выговор от учителя, запись в дневнике красной ручкой и двойки в тетради. В общем, пришлось выбирать между учебой и остроумиями Лёшки. С тех пор он сидел с Мишкой на задней парте второго ряда.

– В следующую субботу, – отвечаю я.

Кстати, меня зовут Елена, я работаю администратором в

этом ресторане со дня его основания.

– Всё готово?– интересуется друг, опуская свою пятую точку на мой стол.

–Я сделала всё, что смогла, двадцать седьмого ресторан будет в полном нашем распоряжении. Было два бронирования, но клиенты согласились перенести их на другое время, естественно, фирменное блюдо от шеф—повара в подарок. А ты всё подготовил?

– Ага, выполнил каждый пункт твоего списка, на почту скинул – оцени.

– Посмотрю позже: сегодня голова раскалывается, – растираю пальцами виски. – Миша должен был всех обзвонить.

–Мих, ты со всеми связался? – кричит Лёша, обращаясь в сторону двери.

– Да, не ори ты так. Вроде все сказали, что будут, – в кабинет входит второй владелец ресторана – Михаил Чернов, тот самый наш одноклассник, которому посчастливилось сидеть с Лёшкой за одной партой с седьмого класса.

Хмурый и недовольный, впрочем, с утра Миша всегда такой. А к обеду он даже начинает улыбаться. Чернов чуть ниже Смирнова, но крепче телосложением. В школьные и студенческие годы он занимался борьбой, да и сейчас не забывает про спортивный зал, Лёшка иногда тоже ходит вместе с ним, но чаще просто за компанию: стоит у снарядов и травит шутки, пока Миша тягает гантели.

Миша проходит в кабинет и присаживается на диван,

который стоит у стены, напротив моего рабочего стола. Этот голубоглазый брюнет со школьной скамьи был дамским угодником и ловеласом. Девчонки нашего класса точно придут полным составом только ради Мишки. А если узнают, что он до сих пор ещё не женат, ой, я ему не завидую. Машка Селезнёва и Олеся Дубровина в разводе, Ольга Куприянова замужем не была. Но я думаю, что и замужняя Полина Воронова не против будет вспомнить школьную любовь.

—Мих, а ночами люди не только трахаются, но ещё и спят. Ты разве об этом не знал?— как всегда издевается Лёша над горячо любимым невыспавшимся другом.

— Молчал бы ты,— бубнит Миша. — От самого каждое утро новая девица выходит.

Живут мои друзья—коллеги в квартирах напротив.

— А ты что, в глазок подглядываешь?

— Нет, сплю с тобой через стенку. Заманал уже. Шумоизоляцию сделай.

— Так, ребятки, избавьте меня от подробностей вашей личной жизни, — вмешиваюсь я в их словесную перепалку.

— А чё это!!! — Лёша делает вид, что удивляется. — Раз у самой никакой личной жизни нет, хоть о других послушай.

— А почему это у меня личной жизни нет?

— А потому что ты замужем, крошка,— отвечает Лёша, указывая на мою свадебную фотографию, стоящую на рабочем столе.

— И что же плохого в замужестве?

– А что хорошего?

– Отвечать даже не буду.

– Вот потому и не будешь, что не знаешь ответ.

– Когда влюбишься, я на тебя посмотрю. А сейчас давай-те лучше вернёмся всё—таки к празднику. Вот смета,— передаю Лёше бумагу.

– Да ни хрена ж себе смета,— друг встаёт с моего стола и, наконец, присаживается на диван рядом с партнёром по бизнесу.

– Дай посмотрю, – говорит Миша и забирает листок себе. – А что ты хотел, нас больше тридцати человек будет. Вчера корпоратив был, количество то же, а сумма раза в два больше была. Так что по меню всё достойно, но без излишеств. Одобряю.

– И к тому же тебя никто за язык не тянул, ты сам решил стать спонсором этой встречи. Что, Лёшик, понты – это наше всё! —парирую я, смотря на блондина, в ответ Алексей одаривает меня совсем не добрым взглядом. – Разделим сумму на троих, с каждого получится вот так, – пишу цифру на листочке и подаю друзьям.

– Почему это на троих? На двоих дели: я и Миха сами за всё заплатим, заметь, из собственного кармана, а не за счёт фирмы. А ты, милая наша одноклассница, расплатишься натурой, так сказать.

– Чего??? – мы с Мишей одновременно произносим это и смотрим на друга.

– Стриптиз для вас всех станцевать? – бормочу я.

– А ты умеешь? Ну, если ты желаешь, то в принципе спорить не стану. Мих, как ты думаешь, пилон за неделю установим?

– Лёх, замолкни, – обрывает Миша.

– Какие вы скучные, – Лёша закатывает глаза. – И что вы не женаты, были бы занудной парочкой, занимались бы сексом по воскресеньям на брачном ложе в миссионерской позе, – мечтательно и медленно проговаривая каждое слово, произносит Алексей.

– Если б мы были женаты, ты бы у нас ещё мастер класс проходил.

– Ага, я гуру секса, Мишенька, – хвастается друг.

– Я не сомневаюсь, слышу каждую ночь, какой ты гуру.

– Всё, хватит препираться, – мне надоело это слушать.

Улыбка на лице Алексея меняется на мимолетную серьезность.

– Ленчик, я имел в виду, что с тебя организация этого праздника. Всё то, что ты делаешь лучше нас с Михайой. А ещё не забудь проинструктировать персонал, он должен быть на высоте, ведь мы не можем удариться в грязь лицом перед одноклассниками. Всё должно быть под контролем.

– Лёш, контроль необходим не только персоналу, но и тебе после пятой рюмки, – перебивает его второй владелец этого двухэтажного великолепия. – Давай всё—таки на этот раз без драки обойдёмся. Или ты в принципе не пьёшь, или пьёшь,

но после пятой – домой.

– Вы сговорились, да? – переглядываясь то на меня, то на Мишу, возмущается Лёша. – Праздника меня решили лишить. Я пять лет одноклассников не видел.

– Некоторых ты видишь каждый день, – смеюсь я.

– Эти некоторые тогда вообще могут не приходиться, — Лёшенька поднялся с дивана и, схватив сигареты, направился к двери.

– Остынь. Просто предупредил. Мы гулять будем в нашем нашем ресторане, а не в «левой» кафешке. Поэтому погром после драки здесь не нужен. Утром надо открыться, мы проводим день рождения шестилетней девочки в двенадцать по плану. Аниматоры и организаторы приедут в десять утра. Поэтому Лена и мы должны быть здесь к восьми, чтобы всё проверить.

– Злые вы, ребят, уйду я от вас, – и уходит, возмущаясь как можно громче. – Кто ж работает после такой попойки—то.

– Миш, зачем врёшь? Нет у нас никакого дня рождения, мы же день освободили, даже персонал на выходной решили отпустить.

– Ему об этом знать необязательно. А то нарежется опять, потом ездил всю ночь по городу, ищи его, не зная где. Вспомни прошлый раз, он вообще в Астрахань уехал. Как он туда попал и зачем – до сих пор загадка. А мы его трое суток искали.

– Зато, благодаря ему, нам есть что вспомнить.

– От таких воспоминаний я бы воздержался.

– Ну да, Лёшенька у нас пьёт очень редко, но метко. Запоминается на всю жизнь.

– Причем не только ему, – добавляет Миша, читая что—то в телефоне.

Лёша очень спокойный, рассудительный человек и неконфликтный в повседневной жизни, но, если его зацепить неосторожным словом, когда изрядно выпил, всё, он взрывается, подобно воздушному шарiku. Пять лет назад сцепился прямо на улице со случайным прохожим: он нелестно высказался о нашей однокласснице, которая пришла на встречу в неприлично коротком платье. И потом, пока мы с Мишей разруливали ситуацию с пострадавшим и полицейскими, Лёша пропал. Просто исчез. Через три дня он написал нам из Астрахани о том, что ему нужны были деньги на обратный билет. Естественно, Миша не стал посылать ему деньги, а сел в машину и поехал за ним лично.

– А сам—то что такой хмурый? Девушка не понравилась?

– Какая девушка? Нашла, кого слушать. В больнице всю ночь провёл, маме плохо стало, хоть скорую догадалась сама вызвать.

– А почему ты мне не позвонил?

– Не хотел тебя будить и зря накручивать. Не надо так исподлбья на меня смотреть. Если бы было что—то серьёзное, ты стала бы первой, кому я позвонил. Всё обошлось. Но

пару дней всё же подержат в больнице. Кстати, когда я уезжал, твои родители к ней приехали.

– Невероятно, все вокруг знают, что мою крёстную в больницу увезли, и все молчат. В какой она палате? Я поеду к ней прямо сейчас.

– Сейчас она спит, я звонил медсестре. Через пару часов сам поеду. Если хочешь, поехали со мной?

– Ещё спрашиваешь, конечно, поеду.

Миша уходит, и я остаюсь одна. Надо завершить отчёт, но все мысли о моей крёстной. После смерти мужа она очень сильно ослабла, скачки давления стали её постоянными спутниками, Миша даже предлагал ей переехать к нему, но она отказалась, объясняя это тем, что молодой мужчина должен жить с девушкой, а не с мамой. Она мечтает о внуках, но сын как—то не торопится её осчастливить. Серьёзных отношений у него никогда не было, так, разовые барышни. И чего ему не хватает, выбирай любую, благо есть из кого выбирать. Через несколько часов Миша, как и обещал, заходит за мной.

– Ленусь, едем? – спрашивает он, остановившись в дверном проёме.

– Конечно, – кладу сотовый в сумочку и надеваю её на плечо. – Лёша у себя?

– Нет. Ещё не возвращался. Но ты знаешь, с Юрием Анатольевичем очень трудно договориться о скидках.

– Но у Лёши всегда получается, – закрываю кабинет на

ключ.

– Именно поэтому на эти встречи всегда ездит он, а не я. Я бы через час уже послал этого горе предпринимателя в лес малинку собирать. Да и не до него сегодня.

– Понимаю.

Как только мы доезжаем до больницы и входим в кардиологическое отделение, Миша идёт искать лечащего врача, а я направляюсь в указанную палату.

– Мамочки мои, привет, – говорю я, увидев рядом с крестной мою маму. Они тихо болтают и улыбаются.

– Привет, родная, – целует меня в щёку моя мамочка.

– Здравствуй, солнышко, – отвечает вторая, – извини, что напугала. Миша сказал, что ему попало от тебя за то, что он сразу не позвонил. Ты его прости, это я просила тебя не тревожить ночью.

– За что ж вы так меня не любите, Виктория Семёновна, неужели я не достойна знать, что с вами происходит? – улыбаясь, спрашиваю я.

– Глупости какие, – она сжимает мою ладонь. – Я тебя люблю как дочь, впрочем, ты мне и так дочь, я крестила тебя.

– Тогда почему дочь последняя узнает, что происходит?

– Лена, отстань от Вики. Не сказали, значит, так было нужно, – безапелляционно произносит мама.

– Хорошо, прощаю, – сдаюсь я. – Как чувствуешь себя? Когда обещают домой?

– Лучше. Сказали, пару дней ещё капельницы поставят, а

потом уколы выпишут. Галя мне сама введёт их, – обращается она к подруге, та же в свою очередь кивает в ответ. – Не люблю я больницы. И кухню эту больничную.

– Ну, ты же хотела похудеть, – смеётся мама.

– Хотела, но не таким способом, – указывает взглядом на стоящую на тумбочке нетронутую тарелку каши. – Как дела, милая? Как муж? —интересуется у меня крёстная.

– Всё хорошо, – я присаживаюсь на край кровати. – Максим опять в командировке, через неделю должен вернуться.

– Он всегда в командировках, – недовольно высказывается моя мама. – Неудивительно, что ты до сих пор не родила, – ребёнок это больная тема моих родителей. Очень ждут внуков, и мы с мужем стараемся, но не получается у меня забеременеть. Я невольно опускаю голову и смотрю на одеяло. Мне стыдно за свою неполноценность. А мама продолжает: – Вы очень редко видите, так жить нельзя. Не дело это практически всё время врозь жить.

– Мама, не начинай, – снова защищаю я зятя перед тещей. – У него такая работа. Я не могу требовать выбора между мной и делом его жизни. Он востребованный нейрохирург. Он жизни спасает. Сейчас помогает оборудовать нейрохирургическое отделение в новой клинике. Читает семинары и лекции в других городах. Он дышит этим.

– Вот в том—то и дело, что главное в его жизни – это его работа и дышит он ей, а не тобой. Ты постольку—поскольку. Зачем он вообще женился? Сидишь, как собачка на цепи,

и ждёшь непонятно чего. Разве это семейная жизнь? Я всегда молилась за то, чтобы ты со своим избранником прожила жизнь, как мы с отцом.

Мама опять заводит старую пластинку на новый лад. И у меня начинают наворачиваться слезы. Виктория смотрит на нас с мамой растерянным взглядом. Наверняка она уже пожалела, что спросила у меня про мужа при моей маме. Да, мой выбор мамочка так и не одобрила. Потому что понятия о семье у неё были более традиционными, чем мои. Они с отцом всегда всё делают вместе: готовят, убирают дома, даже машину чинят тоже вместе. И как они за всю свою неразлучную жизнь не надоели друг другу, не понимаю, но в душе очень радуюсь этому. Они до сих пор держатся за ручки и целуются украдкой. Наверное, мама права, и я, действительно, как—то не так живу, потому что дни, проведенные вместе с мужем, можно пересчитать на пальцах, особенно в последнее время. Хотя мы каждый день общаемся по видеосвязи перед сном и часто звоним друг другу в течение дня. Я скучаю, и это взаимно. Я чувствую его любовь, пусть даже на расстоянии.

– И снова привет, девчонки, – заходит в палату Миша, тем самым спасает меня от дальнейшего разбора моей никчёмной семейной жизни. Он замечает мои влажные глаза и хмурится. У меня нет от него секретов, и он знает, по какому поводу у меня глаза на мокром месте. Бросает осуждающий взгляд на маму, та же, фыркнув, отворачивается к окну. Ми-

ша встает рядом со мной, будто защищает.

– Я поговорил с врачом, если завтра кардиограмма будет хорошей, то вечером я заберу тебя домой.

– Хорошая новость, сынок.

Я встаю с кровати, Миша обнимает за плечи, а я кладу голову на его плечо. Мама переглядываются между собой, а потом смотрят на нас. Мы знали, что в детстве они мечтали нас свести, но как—то не сложилось. Мишка мой хороший друг, брат. Да, я была в него влюблена в школе, впрочем, как и все девчонки нашего класса. Мамочки же наши до последнего не теряли надежду и даже выпили с горя, когда я сообщила, что выхожу замуж за другого.

– Поехали, я тебя домой отвезу, – обращается ко мне Миша, при этом не переставая меня обнимать.

– Поехали. Мама, ты остаёшься или с нами?

– Нет, сами, вдвоём. Меня папа заберёт.

Мы прощаемся с ближайшими родственницами и выходим из палаты.

– Миш, зачем ты меня при них обнимаешь? Ты же знаешь...

– Маме нужны положительные эмоции, ну, для выздоровления, – он улыбается во все свои тридцать два зуба. – А если честно, просто не смог удержаться. Они так начинают смотреть, что я не могу отказать себе в этом. Прости.

– Ты как ребёнок.

– Кто бы говорил, сама же мне подыграла. И вообще, ря-

дом с ними мне снова семнадцать и хочется пошалить.

– Ну, раз тебе семнадцать, тогда за рулем я. Ты ещё не совершеннолетний.

– Очень смешно. А за руль моей машины даже не надейся сесть. Я ещё помню, как ты въехала в столб.

– Мне было шестнадцать. Ты мне всю жизнь это напоминать будешь?

– Буду. Не со зла, но буду. Садись давай, – и я послушно сажусь на переднее сидение его новенького хаммера.

Вечером следующего дня мы с Мишей забрали Викторию Семёновну. Дома нас ждал накрытый стол, мама весь день готовила разные вкусности.

– Мойте руки, дети, и за стол. Валера, принеси салатницу, – тараторит мамочка, пока мы ещё разуваемся в коридоре.

– Папуль, привет, – я целую в щёку проходящего мимо папу с тарелкой в руках.

– Привет, Леночка. Мишка, помоги стол раздвинуть, – мужчины пожимают друг другу руки. – Галюня опять наготовила столько, что ничего не помещается.

– А мы кого—то ещё ждем? – смотрю на накрытый стол и считаю количество столовых приборов.

– Да, Мария с Игорем приедут. Ну, и Лёша со Светой, – поясняет папа, смотря на фотографию Мишиного отца. Он умер год назад, но, когда мы собираемся, его фотография

всегда за столом. Так хочет Виктория, и никто не возражает.

Мария и Игорь – это родители нашего друга Алексея, они вскоре приезжают, привезя с собой кучу тарелок с салатиками и ещё чем—то. Мы все дружно расставляем всё на столе. Ждём только Лёшку, и тут приходит осознание: Лёше—то мы не сказали о том, что произошло с Викторией Семёновой, вылетело из головы. Нас с Мишей ждёт серьёзный разговор с другом. Лёшенька, конечно, редко обижается на нас, но если это произошло, то надолго. И никакие разговоры не помогут, пока сам не отойдет. В дверь звонят, Миша идёт открывать, а я плетусь за ним.

– Не могли сказать сразу? Тоже мне, друзья, – с порога бубнит Лёша, снимая кроссовки.

И нам стыдно. Мы все с детства как одна семья. Что не говори, а умеют наши родители дружить. И нас научили тому же.

– Лёш, прости, – в один голос говорим мы.

– Репетировали, что ли?

– Нет, стыдно очень, – отвечаю я.

– Может, ты сестру—то пропустишь, или мне ещё часик в подъезде постоять? – возмущается Света, стоящая позади.

– Проходи, чудо моё, – он пропускает младшую сестру вперёд.—Вот ты так, как они, никогда не делай, – обращается он к сестре, грозя указательным пальцем.

– Договорились. Привет всем. Я голодная. Пошли за стол.

И мы дружно направляемся в столовую, где нас ждут ро-

дители.

– Ребят, у вас же нынче десять лет со дня окончания школы. Как планируете отмечать? – вдруг спрашивает Игорь Викторович. – Может, на даче нашей отметите?

– Нет, папа. Мы уже отметили на даче десять лет назад, – мы втроём переглядываемся, сдерживая улыбку. – Заново дачу отстраивать я не хочу. Все соберёмся в ресторане у нас, – говорит Лёша, смотря на меня и друга.

Хоть официально ресторан принадлежит Мише и Лёше, а я только работаю на них, но ребята никогда не относились ко мне как к подчинённой, я равная им как в принятии решений, так в ответственности и в зарплате. Мы всегда всё делаем вместе, без разницы, какой вопрос на повестке: кадровый, юридический или финансовый. Мы обсуждаем, решаем и выполняем.

– Ребятки, хватит болтать, кушайте, пока горячее, – говорит хозяйка дома.

И все послушно принимаются поглощать приготовленные блюда. Мы, конечно, каждый день питаемся ресторанной едой от известного шеф—повара, но от еды, приготовленной ручками наших мамочек, мы отказаться не можем. Эта еда самая вкусная.

Глава 2

Елена

Две недели пролетают незаметно, вот и наступает день встречи школьных друзей. С утра все носятся по ресторану как ошпаренные. Лёша добивается идеальности во всем, а Миша, наоборот, разрезает обстановку и успокаивает нервных официантов.

– Лёха, угомонись. Иначе к вечеру ни одного официанта не останется,— говорит Миша, когда друг пытается придумать, к чему бы ещё придраться.

– Да, Лёш, всё идеально,— поддерживаю я.— Скоро начнут подъезжать ребята. Успокойся. Ведёшь себя как жених в ожидании невесты.

– Скорее, как тамада. Взяли бы меня тамадой на вашу свадьбу, а? — внимательно смотрит на нас, а мы и правда как жених с невестой сидим рядом за столом, напротив Лёши.

– Нет,— одновременно говорим мы, еле сдерживая улыбки.

– Вот и дружи с вами после этого. В общем, я умываю руки, если что—то пойдет не так, спрошу с вас,— встает и уходит.

– Договорились,— соглашаюсь я.

– Ты ещё оштрафуй нас,— кричит Миша вслед другу.

– Ты—то хоть молчи,— бросаю в Мишу салфетку. Наконец, мы можем посмеяться, потому что Лёша скрывается за углом.— Не цепляй его.

– А что мне будет за молчание?

– А что ты хочешь? – открыто спрашиваю, не боясь ответа, и не жду от него подвоха.

– Танец. Потанцуешь со мной?

– Потанцую,— соглашаюсь я, поскольку танцевать с Мишей я люблю. Он очень хорошо ведёт и чувствует меня. Даже мой муж, Максим, умудрился наступить мне на ногу во время нашего первого танца на свадьбе, а с Мишей подобного никогда не было. Он прирождённый танцор, хотя очень стесняется этого, так что редко танцует, только со мной.

Как всегда, на юбилей раз в пять лет класс собрался полным составом. В школьные годы мы были очень дружны. Мальчики всегда заступались за нас перед другими парнями, помогали на физкультуре подтянуть нормативы, дежурили за нас в классе. Мы же в ответ помогали с уроками, пекли для них десерты к чаю, пуговицы пришивали к рубашкам после очередной драки на заднем дворе школы. Мы были одной дружной семьёй. И после окончания школы старались поддерживать общение, конечно, сейчас посредством современных технологий это стало очень легко делать. Год назад Лёша создал группу в мессенджере «МЫ», и с тех пор общение стало ежедневным. Но всё же ни одна переписка не заменит живого взаимодействия, и вот мы снова встречаем-

ся. Радовало, что каждый из нас в жизни состоялся, занимался любимым делом. Глеб, староста нашего класса, сделал фильм о нашей школьной жизни, откопав из архивов школы и родителей видеозаписи с линеек, последнего звонка и выпускного. Мы впервые за десять лет будто снова побывали в школе, даже слёзы на глаза навернулись. А после застолья Лёша пригласил всех во второй зал – на школьную дискотеку. Учитывая, что в школьные годы он был диджеем на всех дискотеках, и музыкальная подборка у него сохранилась ещё с тех времен. Ребята визжали от восторга, когда услышали первые аккорды хита прошлых лет.

Ближе к полуночи, когда почти все расходятся, а оставшиеся в полусонном состоянии танцуют медляки, я раздаю указания персоналу, который уже наводит порядок в первом зале.

– Лен, сегодня у тебя выходной, – вздрагиваю от шёпота на ухо. Миша, как всегда подкрался незаметно. – Пусть Лика всем занимается.

– Я её домой отпустила. У сына температура поднялась.

– Всё равно, пусть сами всё делают, не в первый же раз, – он берёт меня за руку и тянет во второй зал, к ребятам. – Пошли лучше танцевать.

– Не хочу, я устала.

– Значит, работать ты не устала, а потанцевать со мной – устала? – он обнимает меня за талию и продолжает вести в полутёмное помещение. — Ты мне танец обещала, пом-

нишь?

– Помню, ладно, пошли.

Мы заходим в центр зала, и Миша дает сигнал Лёше, после чего тот, кивнув, включает другую мелодию. Мелодию, под которую мы танцевали на всех школьных дискотеках. Вот конспираторы, сговорились уже. Удивительно, что Миша про неё помнит, он вообще многое помнит, как оказалось. То принесёт на работу моё любимое мороженое, то книгу подарит любимого автора. Тихая и до боли знакомая мелодия снова делает из меня школьницу, которая мечтала о том, чтобы ОН обратил на меня внимание. Погрузившись в свои мысли, я прижимаюсь к однокласснику, кладу голову на плечо, и впервые за многие годы растворяюсь в танце, полностью доверив себя партнёру. Одна его рука лежит на моей талии, а вторая на затылке гладит волосы, я чувствую, как он вдыхает их аромат. Ищу взглядом друзей, но в зале, кроме нас, никого нет, мне очень хорошо и спокойно. Я закрываю глаза. Тёплые мужские губы неожиданно касаются моих губ, оставляя на них лёгкий и несмелый поцелуй. Резко открываю глаза и встречаюсь с его взглядом. В растерянности останавливаюсь посреди зала, отстраняюсь от него. Смотрю то на него, то на застывшего на месте Лёшку – он тоже в шоке – и срываюсь прочь. Миша ловит меня у лестницы, хватая за локоть и разворачивает к себе, прижимает к перилам и, не говоря ни слова, впивается в мои губы. Он целует меня так стремительно, что я и опомниться не успеваю, как он

прижал к себе за затылок. Я сумасшедшая, потому что другим словом не объяснить то, что я отвечаю на его поцелуй. Я целую его с той же жадностью, что и он меня. После минутной эйфории разум ко мне постепенно возвращается, и я отталкиваю Мишу и бегу вверх по лестнице.

Забежав в свой кабинет, я закрываюсь на ключ и оседаю на пол. Прижимаюсь спиной к двери. Ручка двери дёргается.

– Лен, открой! – требовательный голос друга раздаётся на весь второй этаж.

– Нет, Миш, не открою, – тихо отвечаю я. – Уйди, пожалуйста.

– Боишься меня? – также тихо спрашивает он.

– Нет. Себя боюсь. Нельзя так. Неправильно, – я действительно испугалась своей реакции на его поцелуй.

– Почему? Для кого неправильно? Кто эти правила установил?

– Я эти правила установила, когда в ЗАГСе «да» сказала.

– Не откроешь?

– Нет, – тишина, только его сбитое дыхание слышу за дверью. Хочется крикнуть во все горло «уйди».

– Хорошо, так скажу, – опускается так же вниз и опирается на дверь с другой стороны. – Лен, меня тянет к тебе, как магнитом. Всегда тянуло. На работу хожу, чтоб только тебя увидеть. Чёрт, целый день вместо того, чтобы работать, договора с поставщиками заключать и на сделки ездить, причины зайти к тебе в кабинет придумываю: то принтер у меня

сломался, то программа не грузится...

– Молчи, Миш, мы же друзья.

– Да задолбался я тебе другом быть. Люблю я тебя, понимаешь, люблю.

Он говорит это, а у меня слёзы по щекам бегут. Я слова сказать не могу, в горле ком стоит. Тело ознобом бьёт как в лихорадке. Обнимаю себя за плечи и тихо рыдаю. Если б он знал, как я его любила. Я бы в школе всё отдала за эти его слова, но тогда он меня не замечал моих чувств. А теперь нельзя нам вместе быть. Теперь наши дороги параллельно друг другу идут и никогда не пересекутся.

– Молчишь? Молчи. Ничего не говори. Просто знай это, и всё. Я устал притворяться.

Слышу, что он уходит, но встать не могу. Легче почему—то не становится. Так и сижу на полу. Вся жизнь проносится перед глазами. Как впервые увидела его в школе, как списывал у меня математику и дёргал за косички. А я и этому была рада тогда. Жили в одном подъезде, только на разных этажах, до дома провожал, портфель таскал, а потом, проводив меня, бежал на свидание с очередной девчонкой, которая уже ждала его во дворе. А я смотрела на них из окна и слёзы как сейчас глотала. Потому что никогда на меня он так, как на них, не смотрел, потому что относился ко мне, как к сестрёнке. А я совсем не братской любви от него хотела. Зачем он мне в любви сейчас признается? Зачем мне душу рвет? Я свою любовь к нему спрятала в самом дальнем

уголке своей души. И лишь изредка, наедине с собой, позволяю себе вспоминать прежние чувства.

Звонит телефон. На экране высвечивается фото мужа. Нажав зелёную кнопку, слышу привычное:

– Привет, родная. Ты скоро? Я не ужинаю без тебя.

– Привет. Минут через двадцать буду.

– Хорошо. Хочешь выпить вина?

– Хочу, – если бы ты знал, как я хочу не просто выпить, а напиться до потери сознания. Чтобы навсегда забыть то, что только что произошло. И мне выть хочется от того, что не забыть этого никогда.

– Жду, любимая. Осторожней на дороге.

Глава 3

Миша

Я гоню машину по ночному городу на сумасшедшей скорости. В голове треш. Я сказал ей всё, сказал то, о чём молчал слишком долго. Правильно ли это или нет – не знаю. Как говорится, сколько верёвочка не вейся, всё равно порвётся. Вот и моя порвалась, когда она прижалась ко мне в танце и голову на плечо положила. Говорил мне Лёха, что затея с этим танцем не очень, а я не послушал. Захотел вернуться на десять лет назад, туда, где она только моя.

Подъехав к набережной, останавливаюсь, глушу машину, смотрю через лобовое стекло на ночное небо, выхожу и иду на берег. Вода всегда успокаивала меня. Проходя мимо влюблённых парочек, сажусь на песок. На душе так хреново, я не знаю, что будет завтра? Но ни о чем не жалею. Что —то отпустило. Она знает, и теперь только ей меня казнить или миловать. Помню, когда увидел её впервые. Моя семья переехала в этот город, когда мне было двенадцать, я пришёл в новый класс, стою, смотрю на всех, а потом задерживаюсь взглядом на ней и пропадаю от глазищ её больших. Понравилась она мне сразу. Затем выяснилось, что мы соседи, да ещё родители потом дружить стали. Часто в гости друг

к другу ходили, уроки после школы вместе делали. Для меня она представлялась ангелом – чистая и прекрасная. В старших классах парни на неё смотрели похотливыми голодными взглядами, а я потом дрался с ними на поле за школой за то, что взглянуть посмели. Запрещал всем к ней подходить. Они и обходили её десятой дорогой, а она подружкам жаловалась, что совсем парням не нравится. У всех поклонники есть, а она всё одна. Знал, что жестоко поступаю, но не мог даже представить кого—то рядом с ней. Никого к ней не подпускал, но и сам не решался, даже поцеловать не смел. Целовал других, обнимал других, ласкал других, доказывая самому себе, что моя болезнь по имени «Елена» не так сильна. Навивный мальчишка. Чем больше я ей «изменял», тем сильнее тянуло к ней, хотелось в ногах её валяться и прощения просить за каждый поцелуй, подаренный не ей. Но я не сделал этого, пустил всё на самотёк. Девчонкам я очень нравился, сами бегали за мной, записки в рюкзак бросали, на свидания приглашали. А Лена для меня так и оставалась несбыточной мечтой, моим ангелом. Она и не представляла, как на меня действовала: идёт после уроков, рассказывает что—то, а я на её губы смотрю, и поцеловать хочется, аж скулы сводит. Проводив до квартиры, сразу бегу к очередной «давалке» снимать это наваждение. С ума по ней сходил.

Домой приезжаю ближе к четырём утра. Ночь уже отступает, но и утро ещё не наступило. Завораживающая картина, последний раз я видел подобное после выпускного. Мы

тогда забрались на какую—то возвышенность встречать рассвет новой жизни, я очень волновался, что Лена упадёт на своих длинных каблуках и поэтому не выпускал её руку. Тот рассвет мы встречали вместе, она была рядом, и тайно я мечтал, чтобы так было всегда. Теперь не знаю, поздоровается ли она со мной. Избегать точно будет. Главное, чтобы заявление завтра не написала, а то Лёха меня живьём закопает. Подхожу к квартире, лениво достаю ключи, чтобы открыть дверь, но в этот момент открывается квартира напротив. Друг меня ждал. Убираю ключи снова в карман и иду следом за ним.

– И это ты мне запрещал пить?

– Не начинай,— останавливаю его заготовленную речь, прохожу на кухню.— Выпить есть?

– Есть,— нервно отвечает друг, доставая из морозильной камеры ледяную бутылку водки. Наливает две стопки. Достает из холодильника банку оливок, открывает и вываливает содержимое на блюдце.— В холодильнике больше ничего нет.

– За любовь,— говорю я и выпиваю содержимое стопки одним глотком.

– Как ты вообще допустил подобное? – спрашивает друг после того, как выпивает следом за мной.

– Не знаю. Я не планировал такого. Само как—то вышло.

– Я, конечно, подозревал, что ты к ней неровно дышишь. Но чтоб насколько потерять голову при всём классе.

– Никто не видел.

– А я?

– Ты свой, не считаешься.

Лёша на стол передо мной бросает фотографии, где запечатлен момент нашего поцелуя.

– Откуда? – смотрю лишь на одну, самую удачную.

– Камера фотографировала автоматически, – чёрт, даже бездушная машина не смогла пропустить этот момент. Красивое фото. Оставлю себе. На память.

– Она в шоке? – тихо спрашивает друг.

– Шок – это именно то, что она сейчас испытывает.

– Не понимаю я тебя, тогда на выпускном кругами вокруг неё ходил, с Женькой подрался и всё равно не признался. Я думал, что за столько лет ты переболел. – Парню из параллельного класса на выпускном руку сломал только за то, что он на танец её пригласил и руку эту свою во время танца на попку её опустил. Она смутилась тогда, покраснела.

– Я тоже так думал. Но последнее время как—то накрывало моментами. Тянуть к ней стало сильнее и чаще.

– Я надеюсь, ты не наделаешь глупостей?

– Самую большую глупость я уже совершил.

– Иди домой, выпишись.

– Нет, не хочу домой. Пойду, пройдусь.

– За руль не садись.

Оставляю эту фразу без ответа. Потому что знаю, что сяду. Поеду к ней. Дам себе час, чтобы отойти от алкоголя, и поеду. Мне необходимо её увидеть. Нужно что—то сделать,

что—то сказать, только я пока не знаю, что именно. Но я придумаю.

Глава 4

Елена

Увидев в окно, как с парковочного места срывается машина Миши, облегчённо вздыхаю. Теперь могу беспрепятственно уйти и я. Беру сумочку дрожащими руками, кладу ключи от машины в карман пиджака. Выскальзываю из кабинета и стараюсь улизнуть никем незамеченной. Но мне это не удаётся, внизу у лестницы меня ждёт Лёша.

– Из персонала никто не видел, расслабься,– успокаивает меня друг.

– Это отличная новость. Спасибо,– мы несколько секунд молча смотрим друг на друга.– Я поеду.

– Может, лучше такси? – настороженно смотрит на мои опухшие от слёз глаза.

– Нет, я сама: не хочу оставлять машину на стоянке у ресторана и, если честно, не люблю такси.

– Тогда будь осторожнее и напиши мне сообщение, когда доберёшься до дома.

– Договорились,– подставляю щёку для дружеского поцелуя.

– Если не напишешь, я приеду,– предупреждает меня Лёша.

– То—то у меня муж обрадуется,— пытаюсь пошутить, но не получается даже улыбнуться.

– Иди, я ресторан сам закрою.

Квартиру открываю как можно тише. Не хочу, чтобы Максим встречал меня у двери. У нас принято целоваться при встрече и прощании, а я сейчас совсем не настроена на подобные приветствия. В темноте коридора быстро снимаю обувь, сумочку бросаю прямо на пол и бегу в ванную. Оттуда первым делом пишу сообщение Лёше, так как знаю, что его угрозы – не пустые слова, мы это уже проходили. Зависнув на несколько секунд над именем абонента «Миша», я мгновением позже отключаю телефон, боясь, что он позвонит или напишет. Убрав мобильный на стиральную машинку, смотрю на себя в зеркало. Глаза красные, Максим сразу заметит. Плохо. Умываюсь ледяной водой и мажу под глазами корректором.

– Лена? – удивлённо произносит муж, стучась в дверь.

– Я сейчас,— снова смотрю на себя в зеркало. Теперь выгляжу получше, вид сойдёт за усталость, главное не включать яркий свет.

Выхожу из своего укрытия и сразу попадаю в объятия мужа. Он пытается поцеловать меня, но я отворачиваюсь, и его губы касаются моей щеки.

– Ты обещал ужин,— напоминаю я, хотя совсем нет аппетита.

– Уже накрыто. Пошли,— он, прижимая меня к себе, ведёт

на кухню. Помогает присесть на стул.

– Тебе помочь? – спрашиваю я.

– Нет, родная, – он снова целует меня, но на этот раз целенаправленно в кончик носа. – Сегодня я твой официант.

Максим хорошо и вкусно готовит. И вот передо мной на тарелке любимая свинина, запечённая с картофелем и помидорами под сыром. Он очень старался, и обидеть отказом не могу. Беру вилку и начинаю кушать. Как там говорят: «аппетит приходит во время еды», буду надеяться на это.

– Очень вкусно, – честно говорю я. – Спасибо.

– Вина?

– Да, – отвечаю я, едва прожевав пищу.

– Красное?

– Сухое, – уточняю я.

У меня нет конкретных предпочтений в спиртных напитках. Я пью по настроению. Сегодня хочу красное сухое, а завтра могу выпить бокал белого полусладкого. Поэтому в нашем домашнем баре выбор вин разнообразен. Муж наполняет бокалы и присаживается напротив меня.

– За тебя, любимая. За семью, – гордо провозглашает он тост, и мы чокаемся бокалами.

Ночью я практически не спала. Лежала в постели рядом с мужем и трогала свои губы, я даже мужу вчера не позволила себя поцеловать, потому что хотелось сохранить на своих губах его поцелуй, поцелуй Миши. Сколько бессонных ночей

я провела в школьные годы, мечтая о его поцелуе, тогда бы всё отдала за то, чтобы узнать вкус его губ. И вот, наконец, узнала. Сбылась мечта идиотки. Надо матерям нашим рассказать, вот обрадуются. А может, они правы были; может, они замечали то, что мы с Мишей тщательно друг от друга скрывали?

Встаю в пять утра, иду на кухню. Включив кофемашину, я подхожу к окну и открываю его: ночью шёл дождь, на улице прохладно. Запах свежести после дождя быстро наполнил душное пространство. На улице ни души, только бездомные собаки бегают. Парковка, как всегда, переполнена, и я даже не помню, где вчера припарковалась. Взглядом ища свою машину, останавливаюсь вдруг на чёрном огромном хаммере, стоящем напротив моих окон. Я наливаю кружку кофе и выхожу на улицу.

Сажусь в машину, а водитель даже не шелохнулся. Спит, голову опустив на руль, я не смогла не улыбнуться. Его признание что—то изменило во мне, пожалуй, впервые сейчас я смотрю на него как на любимого мужчину, не где—то тайком там, в уголочке, а открыто, потому что больше не боюсь быть отвергнутой им. Конечно, ему я не покажу чувств, но ведь сейчас можно, пока он спит. Любуюсь: у него очень красивое лицо с правильными чертами, и даже небольшой шрам у правого виска совершенно не портит его красоты.

– Миш, Миша, проснись, – я слегка касаюсь его плеча.

– Неа, – и отворачивается к окну, а я провожу рукой по

его волосам.

– Миш, что ты здесь делаешь?

– Охраняю твой сон.

– Езжай домой, охранник, я проснулась.

– Кофе пахнет.

– Он уже остыл.

Миша поднимает голову, а глаза ещё не открываются. Такой смешной, как ребенок маленький. Берёт кофе, отпивает.

– Божественный, спасибо, – сидит, руки кладёт на руль, смотрит вперёд, боясь в глаза мои взглянуть, да мне и самой очень неловко. – Лен, ты только не увольняйся из—за меня. Я знаю, как ты работу любишь.

– Я и не собиралась, – тереблю пальцами край халата. – Точнее, первая моя мысль, действительно, была об увольнении, но потом я поняла, что от проблем не нужно бегать, их надо решать.

– И что надумала? Как решать будем? —теперь же он смотрит мне прямо в глаза. Взгляд у него потерянный и печальный.

– Всю ночь не спала, но ничего не придумала, – признаюсь я. – Миш, мне очень неловко от того, как ты сейчас на меня смотришь, это непривычно. Ты с детства внушал мне, что ты для меня всё равно что брат. Ты очень дорогой и родной для меня человек, – немного помолчав, продолжаю:– Мы ведь сейчас открыто и откровенно разговариваем?

– Да, – с горечью говорит он, —пожалуй, впервые в жизни.

– Ты был первой моей любовью, сердце замирало от одного твоего взгляда. Я писала твоё имя на задней странице тетрадок и хранила твою фотографию между страницами любимой книги.

– Не поверишь, той же хернёй занимался, – Миша улыбнулся, но улыбка полна разочарования и боли.

– Тогда ответь, почему ты ни разу даже не намекнул мне, на свидание не пригласил?

– Я боялся. Боялся обидеть тебя, потому что если бы обидел, то потерял бы тебя не только как девушку, но и как друга. Дружбой я нашей дорожил больше. Да, ты мне нравилась, я хотел тебя, но нам было по семнадцать лет, я не знал, что будет дальше. Может, после первой проведённой ночи я бы потерял к тебе интерес, как ко всем, и всё. Что мне потом делать? Я слишком уважал твоего отца, как бы я ему потом в глаза смотрел. После школы ушёл в армию, вот там я понял, что ты для меня значишь. Ни одна из моих девиц мне ни строчки не написала, а ты писала, каждый день писала. Я письма твои перечитывал перед сном. Скучал безумно, я тебе отвечал, да только не отправлял, потому что каждое своё письмо я начинал строкой «Привет, любимая». Из армии вернулся, сразу к тебе пошёл. Но дома тебя не оказалось. Галина Викторовна сказала, что ты ушла с каким—то парнем.

– С Витькой Селезнёвым, он на день рождения меня пригласил, – с тяжестью на сердце вспоминаю тот праздник од-

ноклассника, как оказалось, тогда я была единственной приглашённой. Я догадалась, для чего он меня позвал, но, увы, не сразу.— Он целоваться ко мне полез, а мне так противно и страшно стало, мысленно просила защиты у тебя. Думала, был бы Миша рядом, не посмел бы Витька даже взглянуть на меня, не то чтобы тронуть. Бежала от него так, что пятки сверкали. Спасибо ему хоть за то, что держать не стал. Когда пришла домой, узнала, что ты приходил. Я собралась к тебе, а твои сказали, что ты вещи собрал и уехал, а куда — они не знают. Всю ночь проплакала в подушку. Я ведь так тебя ждала, — мы сидим, смотря через лобовое стекло: он в пустоту, а я на окно спальни, в которой спит мой муж.— Почему именно вчера?

— Не знаю, встреча выпускников, воспоминания нахлынули на слегка не трезвую голову, и накрыло. Песня ещё эта, под которую на выпускном танцевали. Не сдержался. Прости.

Я ничего не отвечаю, потому что сказать «прощаю» очень глупо, да и не к месту в этой ситуации. За что прощать, за то, что открылся впервые в жизни? За любовь простить? Где —то в глубине души я прыгаю от радости, визжу и танцую. Но показывать свои истинные чувства я не должна, у меня семья, замечательный муж, и я не имею права на своё «личное» счастье. Свой выбор я уже сделала. И оценивать сейчас, верный он или нет, не имеет смысла. Открываю дверь и выхожу из машины, дохожу до подъезда на ватных ногах, даже

не оглянувшись: я знаю, что он смотрит мне вслед и ждёт, что я обернусь. Но я не хочу, чтобы он увидел слёзы, которые текут по моим щекам.

– Доброе утро, любимая, – на кухню заходит Максим после душа. В домашних штанах, босиком и с голым торсом. Его густые тёмные волосы непослушно падают на глаза, нужно ему подстричься. Я сижу за столом и пью кофе.

– Доброе, – улыбнулась. Муж подходит ко мне, кладёт руку на плечо и целует в макушку.

– Наконец—то я выспался. Ненавижу эти командировки, не могу без тебя спать, – Максим садится напротив меня и берёт бутерброд из тарелки, стоящей по центру стола.

– Хочешь кофе? – предлагаю я ему.

– Конечно.

Я встаю со своего места, подхожу к кофемашине, включаю, меняя режим. Миша пьёт крепкий эспрессо, а Максим предпочитает менее крепкий кофе. Подмечаю, что не могу смотреть мужу в глаза. Вроде ничего не сделала, но мне стыдно перед ним за старые чувства, за разговор с Мишей.

– Я передумал пить кофе, – он подходит ко мне сзади, целуя в шею, – я очень соскучился, – проводит языком по уху. – Извини, что уснул вчера, смена часовых поясов всему виной. У меня вообще—то на эту ночь были совсем другие планы, – развязывает халатик, и руки его направляются к груди. – Но ведь мы наверстаем это сегодня, насколько я помню, у тебя

выходной.

– Да, выходной, – едва дыша, говорю я.

Он поднимает меня на руки и несёт в спальню, на нашу брачную кровать.

– Значит, мы проведём его в постели. Как врач, прописываю нам постельный режим.

Он аккуратно опускает меня на постель, сминает губы жадным поцелуем. Стирает с них поцелуй Миши, как губную помаду. Муж знает, что я не очень люблю утренний секс, поэтому берёт инициативу на себя. Он сам раздевает меня, попутно покрывая поцелуями моё тело, которое молчит в ответ. Я лежу бревном на шёлковых подушках и думаю о том, как Миша добрался до дома. Уговорив себя быть к мужу более отзывчивой, я начинаю отвечать на его ласки, провожу ладошками по упругой груди, покрываю поцелуями его шею. Главное, не смотреть ему в глаза, иначе не смогу притворяться. Он начинает двигаться во мне, а я засекаю на прикроватных часах пятнадцать минут – ровно столько обычно длится наш секс. Четырнадцать минут осталось...

После Максим засыпает, а я лежу и смотрю на него. Почему мой спящий муж не вызывает во мне такого умиления, как спящий Миша, на которого хочется смотреть часами? Может, я его не люблю? Нет, люблю, конечно, но более спокойной любовью. В наших отношениях очень много места отведено взаимному уважению и доверию. Он часто в командировках, но я никогда его не ревновала, никогда не звони-

ла посреди ночи, чтобы узнать, спит ли он; не проверяла его телефон и компьютер, как это делают мои подруги по отношению к своим мужьям. Но при этом мне его безумно не хватает, когда он уезжает. Дома тоскливо и пусто без него. Я, правда, очень жду его возвращений.

Мы познакомились случайно, у меня был день рождения, и я ждала в кафе свою подругу Ольгу, которую подвёз на машине её старший брат. Так и познакомились. Вечером того же дня он приехал ко мне с цветами, извинившись, что ранее вторгся на день рождения без подарка, и пригласил погулять. Я согласилась. С ним было безумно интересно, я восхищалась им. Несмотря на то, что он старше меня на семь лет, я совершенно не боялась оставаться с ним наедине. Подруги говорили, что мужчине в этом возрасте от таких глупых дуручек, как я, нужен только секс. Но он повода не давал усомниться в нём, ухаживал красиво. Конечно же, в своё время пришёл и момент первой близости. Когда он узнал, что стал моим первым мужчиной, сказал, что, как порядочный человек, должен жениться. И женился. И до сегодняшнего дня я ни разу об этом не пожалела. Точнее, я никогда не задумывалась об этом.

Глава 5

Елена

Три недели мы с Мишей почти не общались: я старалась избегать его, а он не проявлял инициативу. Прежде чем он отправился в отпуск, мы пересекались с ним только по рабочим моментам. Максим опять уехал в командировку, а завтра у меня выходной.

– Ленка, у нас ЧП, – взволнованно произносит Лёша, закрывая за собой дверь моего кабинета.

– Что случилось? – отвлекаюсь от компьютера.

– Нам претензию клиент выставил, утверждает, что отравился в нашем ресторане.

– Чем доказывает? – в нашем бизнесе это стандартная жалоба, я уже не удивляюсь. Мне нужны только факты.

– Сама прочти. Хрень какая—то, – передаёт пакет документов мне. Я перелистываю бумаги, хмурюсь: оформлены грамотно, без юриста не обошлось. А это значит, что, возможно, это ситуация «заказник»– элементарная процедура устранения конкурентов. Мы такими делами не занимаемся, но есть те, кто не гнушается подставами.

– При таком раскладе, Лёш, нас закрыть могут на неопределённое время, до выяснения обстоятельств.

– Охренеть, это ж убытки и не малые,— он опять плюхается своей пятой точкой на край моего рабочего стола.— У нас каждый вечер расписан на корпоративы и дни рождения, бронь на столики на четыре месяца вперёд.

– Знаю,— у нас очень популярный семейный ресторан, и многим он как кость в горле.— Но, судя по бумагам, нас могли закрыть ещё вчера. Однако он склоняется к денежной компенсации. И сумма даже прописана. Видел?

– Нет, покажи,— он выдергивает из моих рук бумажку, зло сминает её и бросает на стол.— Ох***ть, откуда такие цифры—то берутся.

– Тут два варианта: или мы пускаем дело в ход, платим официально штраф и закрываемся минимум на месяц, или платим ему отступные.

– Что ты предлагаешь?

– Пока ничего. Чтобы действовать, надо владеть полной информацией. А она заключается в том, сколько мы можем потерять при первом и втором варианте. И что для нас опаснее в глазах общественности: замять дело или дать ход. Если дать ход, то сделать это так, чтобы самим остаться в выигрыше. У нас отличная репутация, от клиентов отбоя нет.

– Но он может в интернете разместить инфу, что отравился у нас, и от клиентов и следа не будет. Ты же знаешь, как это делается. Вспомни, ресторан у Георга так потопили за пару месяцев.

– А мы тоже можем подать в суд за клевету, потому что

ещё не доказано, что отравился он именно у нас. Может, он на набережной шаурму съел.

– Может, всё—таки заплатить и разойтись по—тихому?

– Смотри, мы ему платим, и он исчезает с горизонта. Но через месяц приходит другой с такими же претензиями и мы ему отказываем. А на утро в интернете появляется информация о том, что мы тут травим всех и он не единственный пострадавший, есть ещё один, которому заплатили за молчание. Тогда в этой ситуации в глазах общественности мы будем в непривлекательном свете. И вряд ли отмоемся от этой грязи. Тут надо тоньше действовать. Значит так, Лёша, иди и не мешай мне, начну работать.

– Как скоро будет результат?

– Как всегда, к утру.

– Обожаю я тебя, Ленка,— он вскакивает со стола и затискивает меня своими ручонками.— Что бы я без тебя делал.

– Сам бы работал.

Лёша уходит, а я, сделав несколько звонков нужным людям, проверяю ещё раз документы, пишу пошаговый дальнейший план действий. День проносится незаметно, вроде недавно в окно светило солнце, а теперь – фонарь. Устало закрываю глаза. Ночь. Пора домой. Выключаю компьютер, спускаюсь на первый этаж, в котором зал аккуратно прибран, столики освещаются лишь уличными фонарями через панорамные окна. Я люблю это место. Закрываю ресторан, ставлю на сигнализацию. Я вымотана, очень хочу принять ванну

с лавандовым маслом и потом, одевшись в удобную фланелевую пижамку, уснуть под бубнёж очередного любовного сериала по телевизору. Но приходится отодвинуть свои мечты на неопределённое время, так как, подъехав к дому, замечаю машину Миши у подъезда. Я припарковываюсь рядом. Он, увидев меня, выходит из своего чёрного монстра, встречая меня.

– С днём рождения!!! – вытаскивает из багажника огромный букет моих любимых ромашек.

– Спасибо, ты, как всегда, первый, – не знаю, как ему это удастся, но уже на протяжении пятнадцати лет он поздравляет меня первым, раньше родителей.

– Это моё право. И я его никому не отдам, даже Максу.

– Но сейчас только половина первого, – смотрю на наручные часы. – А родилась я в три...

– Сорок пять. Поэтому пошли, покатаемся.

Мне бы отказаться, но дома меня никто не ждёт, претензия «пострадавшего» совсем взорвала мой мозг, и ванны с лавандой уже не так хочется, как эмоциональной разрядки. Ничего же страшного, если мы покатаемся. Сажусь в его машину, и мы трогаемся.

– Миш, а мы просто катаемся или едем куда—то конкретно? – спрашиваю, когда мы выезжаем со двора.

– Едем куда—то конкретно.

– Куда?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Я и так состарюсь через пару часов.

– Я думал, что вместе со старостью к тебе придёт терпение, но нет, старость приходит одна.

– Юморист, да? Хорошо, молчи. Это даже интересно.

– Я тоже так думаю, в ожидании есть своя прелесть.

Он провёз меня по сияющему ночному городу, знает, как я люблю любоваться огнями иллюминации в ночи. Затем мы выезжаем с центральной улицы и мчимся в неизвестном мне направлении. В этой стороне города я ни разу не была. Мы подъехали к огромному зданию с надписью «Дельфинарий».

– Зачем мы здесь? – интересуюсь я. – Разве они по ночам работают?

– Нет, не работают, но для тебя сделали исключение, – он забирает цветы из моих рук и кладет их на заднее сидение. –

Пошли.

Миша выходит из машины и идёт к парадному входу не останавливаясь. И я спешу за ним. Вот засранец, знает же, что я боюсь оставаться одна в машине ночью. Догоняю его практически у самого входа. Седовласый сторож открывает перед нами двери, приветствуя нас. Здесь Миша берёт меня за руку и ведёт куда—то. Я восхищаюсь увиденным. Луна и маленькие лампочки освещают огромный бассейн, в котором вальяжно плавают дельфины.

– Миш, какие они красивые...

– Хочешь поплавать с ними?

– А можно?

– Тебе сегодня можно всё.

– Но, Миш, у меня нет купальника.

– Есть, открой, – он подаёт мне пакет, который стоял на лавочке рядом. Я открываю и ахаю, там – шикарный купальник бирюзового цвета.

Я спешу в раздевалку, быстро переодеваюсь. Купальник, конечно, мне маловат, от этого грудь практически вываливается из чашечек, но хоть с трусиками повезло, они завязываются на шнурочки с обеих сторон.

Я подхожу к бассейну, Миша уже тоже переоделся и ждёт меня.

– Ну как, нравится купальник? – зачем спрашиваю, дура.

Миша безотрывно смотрит на меня несколько минут. Точно, дура. Надо было сразу нырять в бассейн, чтобы не видел. Зачем мне его мнение?

– То, что в купальнике, мне нравится больше. Но он тоже ничего, пошли, – протягивает мне руку.

И так, взявшись за руки, мы входим в бассейн, к нам сразу подплывают дельфины.

– Знакомься, Лена, это Ася, а это Тося.

– Девочки, поздоровайтесь с именинницей, – и подаёт знак дельфинам, как учил тренер, они синхронно заболтали головами и заворковали.

Мы играем с ними, бросаем мячи, они даже показывают пару своих сальто без команды, просто, как подарок для меня. Я плаваю с ними, держась за плавник, а Миша фотогра-

фирует, отпуская постоянно свои шуточки. Потом мы решаем спокойно поплавать, но он не унимается со своими остроумиями, и я, уличив момент, подплываю к нему, давлую на его плечи и толкаю вниз. Своеобразная попытка утопить Мишу, только чтобы тот на мгновение перестал надо мной подшучивать. А он хватается меня за талию, и мы вместе скрываемся под воду. Выныриваем, он все ещё держит меня за талию, и я не убираю свои руки с его плеч. С волос на губы падают капли, и это так завораживает, что я опять не замечаю, как он поцеловал меня. Осмелившись, он позволяет себе левой рукой прижать меня крепче, а правой касаться груди. Сжимает грудь, а потом резко отстраняется и плывет к бортику.

Глава 6

Миша

Я жду её у машины, нервно куря уже четвёртую сигарету. Опять всё испортил. Я хотел подарить ей праздник. Специально за неделю до этого взял отпуск, чтобы всё подготовить. Вариантов было куча: от прогулки на лошадях до полёта на самолёте. Но это было не то. Потом случайно увидел рекламу дельфинария в лифте. И сразу как—то в голове всё сложилось. Я неделю провёл с этими дельфинами, чтобы они меня знали, тренер учил правильно общаться с ними. Всё это время был поглощён тем, как будут реагировать они на нас ночью, но я совершенно не подумал, как буду реагировать Я на неё. Когда увидел Лену, вышедшую из раздевалки, понял, что зря я это сделал. Она так прекрасна в свете луны в этом купальнике, что я на мгновение потерял дар речи.

– Ну как, нравится купальник? – спрашивает она, а я смотрю совсем не на него. Шикарное тело, округлые бёдра и аппетитная грудь, вот, что у меня перед глазами. Чашечка купальника едва прикрывала сосок, и мне захотелось отодвинуть материю и прижаться к нему губами. Чёрт, надо было кинотеатр выкупать. Хотя там тоже интимный полумрак, последний ряд для поцелуев. Ведь всё планировал не так, без

этой эротике. Хотел, как раньше, по—дружески. Поплавали в бассейне, поиграли с дельфинами и домой. Я хотел показать, что могу сдерживаться рядом с ней. Чтобы перестала шарахаться от меня на работе и снова начала мне доверять. Но ни хрена не вышло. Снова.

Она проходит мимо и садится на этот раз на заднее сиденье. Я некоторое время смотрю на дверь машины, которая только что захлопнулась, выбрасываю пачку сигарет в урну, тоже сажусь в машину извожу автомобиль, хочу уже тронуться, но глушу мотор и пересаживаюсь к ней. Она инстинктивно прижимается к сидению. Боится. Ну, что ты, Ленка, я ж тебя никогда против воли не трону. Ты ж для меня особенная, недосягаемая.

– Забыл про подарок, – протягиваю яркую коробочку, давно уже купил для неё цепочку с подвеской «ключ», но подарить повода не было, а просто так она бы и не приняла. На моей груди сейчас висит такая же подвеска, только замок. Вот такой я романтик, оказывается, я ей дарю ключ от своего сердца. Она открывает футляр, берёт в руки и, смотря на золотой ключик, произносит:

– Спасибо, очень красиво. Поможешь? – и опрометчиво поворачивается ко мне спиной. Отодвигает влажные волосы в сторону, подставляя шею, чтобы я смог застегнуть цепочку. А меня от этой картины выкручивает. Наклоняюсь слегка, аромат её кожи вдыхаю. Непроизвольно касаюсь губами шеи и лёгкими поцелуями направляюсь вверх к уху. Она за-

мирает, но не отстраняется. Она ждёт. Обнимаю за талию и притягиваю к себе ближе. Лена поворачивает голову, и наши глаза встречаются, мы разговариваем так, взглядами, слов и не надо. Перевожу взгляд на губы, а она нервно и смущённо прикусывает нижнюю, и меня накрывает, я набрасываюсь на них. Мы целуемся, я глажу ее скулы, шею, плечи. Не хочу прерывать этот момент. А потом разворачиваю её и сажаю на колени к себе лицом. Ноги её сгибаются, от этого юбка поднимается до бёдер, обнажая кружева чулок. Чёрт, как же я люблю чулки, а на её ножках, оказывается, особенно. Исследую ладонями место, где кружево касается обнаженной кожи, от чего она мгновенно покрывается мурашками. Мы ни на минуту не перестаем целоваться, понимая, что если остановимся, то она снова убежит от меня, а я держать не стану. Дрожащими пальцами расстёгиваю её блузку и дёргаю вверх бюстгальтер. Жадными поцелуями припадаю к груди, и с её губ срывается первый стон. Она хватает меня за голову и ещё крепче прижимает к себе, не давая возможности оторваться. Потом снова губы, щёки, глаза, шея, я всё исследую губами.левой рукой ласкаю грудь, а правой направляюсь между её ножек. Трусики уже насквозь мокрые, и это не может меня не радовать. Она меня хочет. Меня! Она немного привстанет, давая мне возможность расстегнуть ширинку. Я в свою очередь отодвигаю её трусики в сторону и резким движением вхожу в неё. Лена, вскрикнув, отстраняется немного. А я останавливаюсь, потому что сейчас последний момент, ко-

гда ещё можно сказать «НЕТ», и мы это понимаем, всё зависит только от её решения. Она наклоняется и целует меня сама. Я хватаю её за бёдра и начинаю ритмично насаживать на свой член.

– Девочка моя. Маленькая. Леночка.

Это безумие, которое сжирает нас без остатка. Слишком долго мы этого тайно хотели и сопротивлялись. Но истинные чувства и желания рано или поздно должны были взять верх. И вот сейчас, стоя на пустой парковке дельфинария, я впервые в жизни занимался любовью с самой желанной женщиной в мире. Любимой женщиной.

Елена

Домой я прихожу уже в восьмом часу утра, счастливая улыбка не сходит с губ, которые целуют каждый лепесток подаренных ромашек. Едва я успеваю поставить цветы в вазу, как в дверь звонят, хотя никого не жду, тем более так рано. Муж должен вернуться только через три дня, родители в гости не собирались, и я наивно надеюсь, что вернулся Миша. Открыв дверь, первое, что вижу, это огромный букет роз, не просто огромный, а огромнейший. Из—за него даже не видно дарителя.

— И кто это такие шикарные букеты дарит замужним женщинам? — с насмешкой спрашиваю я.

— Конечно, муж, — раздаётся голос Макса, где—то за цветами.

— Спасибо, большое, — немного разочарованно произношу я и принимаю такую красоту в руки.

— С днём рождения, радость моя, — целует в губы, — проходи, а я дверь закрою.

Я иду на кухню, чтобы поставить цветы в воду. Ваза для такого букетища не подходит, и я кладу цветы на обеденный стол.

— Макс, принеси мне, пожалуйста, ведро, а то эта красота ни в одну вазу не влезет.

Через минуту Макс приносит ведро и замечает букет ро-

машек на столе.

– Что, и в этот раз Миша меня опередил? – недовольно произносит он.

– Ну да, – смущённо опускаю глаза и начинаю обрывать лишнюю листву со стеблей роз. – Почему ты так рано приехал? – оборванная листва падает на пол, а я будто не замечаю этого. – У тебя же конференция завтра.

– Отменил. Захотел к жене. Я прошлый твой день рождения пропустил, в этом году решил исправиться, – сам поднимает с пола листья и выбрасывает в мусорное ведро. – Не рада?

– Что ты, очень рада – оправдываюсь я, улыбаясь. – Не ожидала.

– Сюрприз. Получилось удивить?

– Да.

– Как ты планировала отпраздновать день рождения без меня? – подходит сзади и обнимает за плечи. А я замираю, даже затаила дыхание, боясь, что он почувствует запах другого мужчины на мне, я ведь даже не успела принять душ после... Щёки мгновенно начинают гореть.

– Никак. Набери воды в ведро, – подаю ему ёмкость, с которой он отходит к раковине. – Знаешь, по—моему, одного ведра будет мало, я сама принесу ещё одно, – быстрым шагом выхожу из кухни.

Зайдя в ванну, я наконец—то выдыхаю. Подхожу к раковине, судорожно раздеваюсь, осматриваю в зеркало своё те-

ло, не осталось ли на мне следов моего ночного помешательства. Вновь облегчённо вздыхаю: ни одного засоса и синяка. Тело моё визуально девственно—чистое, а вот душа – грязная. Я теперь предательница, изменница, шлюха. Но духу признаться об этом мужу нет. Язык не повернётся. Включаю кран и обливаю себя водой.

– Ой! – вскрикиваю я как можно громче.

– Что случилось, Лен? – муж стучится в дверь ванной комнаты, но не входит.

– Облилась нечаянно, – открываю дверь и встаю перед ним в мокрой одежде, он нежно смотрит на меня, улыбается. – Макс, раз всё равно переодеваться, я приму ванну.

– Конечно. Я пока цветы поставлю, – протягивает руку. – Давай ведро.

Максим оставляет снова меня одну, на этот раз закрываюсь на замок. Наливаю полную ванну теплой воды с пеной и травяными солями, лаванду не хочу, она мне теперь о Мишке напоминает. Опускаюсь в воду. Сердцебиение не унимается, будто муж меня застукал за процессом измены. Мне очень стыдно из—за того, что я предала его, но при этом в душе порхают бабочки. Ведь он ничего не знает и не узнает, наверно, я—то точно не смогу рассказать, а если Чернов? И как же быть теперь с Мишей? Он наверняка теперь не отступится. Что же я наделала? Ухожу с головой под воду.

Через сорок минут самобичевания мне всё же приходится выйти из ванной комнаты, цветы уже красуются на столе в

центральной комнате. Макс сидит на диване, на его переносице очки, взгляд сосредоточенный, изучает карту очередного пациента. Не мешаю. Ухожу в спальню. Переодеваюсь.

– Почему ты никак не хочешь праздновать? – вздрагиваю от неожиданности. Максим входит в спальню и обнимает меня за плечи. – Давай сходим куда—нибудь вдвоём? Хочешь в ресторан?

– Нет, не хочу. Я в ресторане каждый день бываю, – вымученно улыбаюсь. Как же сложно обманывать. Я глаз на него поднять не могу.

– Не хочешь ресторан, пошли в кино или в театр, или останемся дома и...? – его ладони спускаются по моей спине и смыкаются на ягодицах. Только не это.

– Давай в театр, – перспектива «и...» меня в данный момент меньше всего привлекает. – Посмотри афишу, а мне надо по работе позвонить.

Пока Макс загружает приложение на мобильнике, я набираю Лёшу.

– Привет, именинница. Желаю тебе любовника неугомонного, ну ты поняла, в каком смысле, – как актуально.

– Каждый год, Лёша, ты мне желаешь одно и то же, не надоело? Накаркаешь ведь – знаю, что всё это шутка, только вот пророческая она получилась, – друг очень хорошо относится к моему мужу, но в то же время разделяет мнение моей мамы: муж и жена не должны жить практически врозь.

– Дак к этому и стремлюсь. Вот когда сбудутся мои поже-

лания, тогда и буду придумывать новые.

– Хорошо. Лёш, я на столе оставила документы по вчерашнему делу. Всё готово. Сядьте с Мишей, почитайте и решите, какой вариант для вас более приемлем.

– Но Миши в городе нет, – напоминает мне друг.

– Он в городе.

– Откуда знаешь? Что, уже поздравил? Лично?

– Пока, Лёша, – а у самой улыбка до ушей, ох милый Лёша, пора тебе придумывать новые пожелания... О чём я думаю? Успокойся уже, Лена.

Отключаю телефон и хочу набрать сообщение Мише, но Макс, подошедший ко мне незаметно, забирает у меня телефон.

– Я знаю, что у тебя сегодня праздник и многие тебя поздравляют, – он нежно берёт меня за подбородок и приподнимает голову, чтобы наши взгляды встретились. – Но прошу, любимая, подари этот день мне.

– Конечно, – тихо отвечаю я и отворачиваюсь от него. Подхожу к шкафу. – Выбрал спектакль?

– Да. Начало в два, у нас есть время, чтобы погулять.

Глава 7

Миша

Как доехал до дома – не помню. В голове только мысли о Лене и нашей ночи. Жутко не хотелось её выпускать из машины, мечтал снова зацеловать её, но, подъехав к дому, Лена будто очнулась. Растерянно смотрела на проходящих мимо соседей, на дверь подъезда, а на окна своей квартиры поднять глаза вообще не смела. Возможно, что и идти—то она туда не хотела. Всё, на что я решился в этот момент, это сжать её ладонь своими пальцами. Она повернула голову, улыбнулась и в ответ сжала мою ладонь. Она со мной. Не надо больше никаких слов. Несколько минут мы смотрели друг на друга и молчали. Тихое её «пока» ударило под дых. Неужели уже всё? Я не хотел её отпускать, сжал пальцы сильнее. Но один её взгляд, и моя хватка ослабла. Она уходила, с каждым шагом отдалялась от меня, а я провожал её взглядом. Честно, молился всем Богам, чтобы она остановилась и обратно ко мне рванула, как в фильмах. Но это реальность, где у каждого из нас своя жизнь, я свободен как ветер в поле, но у неё муж. Сжимаю кулаки до побелевших костяшек, не могу даже думать о том, что он будет прикасаться к ней так, как я сегодня. Но ведь он имеет на это право, не я. Лена

давно ушла, а я так и стою в пустом дворе. С этим надо будет что—то решать. Я обязательно что—нибудь придумаю. На этот раз я буду за неё бороться.

Принимаю душ, иду на кухню и, открыв холодильник, понимаю, что ехать домой надо было через магазин. Потому что всё, что оставалось в моём холодильнике неделю назад, благополучно переключалось в холодильник квартиры напротив. Входная дверь хлопает, и я иду в коридор. Спрашивать, кто это, не имеет смысла, я и так знаю.

– Привет, друг, – говорит Лёша, протягивая мне три коробки с пищей и две бутылки пива.

– В честь чего праздник? Привет, – пожимаю руку другу.

– День рождения Ленки отмечать будем.

– Ну, если так, то давай, а что так мало—то? – указываю на пиво.

– Нам ясный ум нужен сейчас. Я доки привёз, у нас проблемы. Лена вчера всё подготовила, теперь наша задача решить, в каком направлении поплывём.

Мы просидели допоздна, изучая всё. В течение всего дня я пытался раз пятьдесят дозвониться до Лены, но она не отвечала. Я начал беспокоиться, что она пожалела и теперь прячется от меня. Чёрт, ну нам же не по семнадцать лет, мы взрослые люди, к чему эти игры в прятки. Пару раз хотел сорваться к ней, но Лёша останавливал. Ближе к десяти вечера набираю сообщение:

«Пожалела?»»

А ответа нет.

– Миха, что такой дёрганый весь день? Понимаю, проблемы, но не из такого дерьма выплывали.

– Знаю. Прорвёмся, – а сам телефон в руках кручу.

– Ленчик сказала, что ты её лично поздравил. Что подарил? Опять ромашки?

– Опять ромашки. Тебе—то зачем знать? – жалею о том, что Лёша завёл разговор о ней.

– В принципе, не зачем, – друг внимательно смотрит на меня. – Что-то случилось? – в ответ я лишь молчу. – Ну ладно, поздно уже, пойду, посплю немного. На работе надо быть в одиннадцать. Ты придёшь?

– Ага, отпуск закончился. Зайдёшь за мной, вместе поедем.

– Договорились, – входная дверь закрывается за другом.

А я опять к телефону:

«Прячешься?»

Через минуту приходит ответное сообщение:

«Нет, не пожалела и не прячусь. Точнее, прячусь, но не от тебя. Макс приехал. Мы в театр ходили. И он забрал у меня телефон».

«Блин, я думал, что поседею за этот день. Какие только мысли в голову не лезли».

Я облегчённо вздыхаю, читая пришедший ответ:

«Гони их к чёрту. Всё хорошо».

«Хорошо. Спокойной ночи. Я люблю тебя».

«И тебе, и тебя».

«Не понял?»

«И тебе спокойной ночи, и я тебя тоже люблю».

«Вот так—то лучше, говори это чаще, мне нравится».

Отключаю телефон и иду в спальню. Падаю прямо на застеленную постель. Уснуть не получается, в полумраке снова вспомнилось всё то, что было прошлой ночью, отдаваясь в паху. Встаю с кровати, отжимаюсь на полу. Но не помогает. Снова ложусь на кровать, думая о том, чтобы рвануть сейчас к ней. Нельзя. Макс дома. Макс. Я напрягаюсь всем телом. Она с ним наедине: за одним столом, в одной постели. А если он прикасается сейчас к ней? Эрекция пропадает мгновенно, на смену ей наступает дичайшая ревность. Я не хочу делить её с ним. Я вырву нас из этого треугольника.

Проблемы на работе захлестнули нас с головой, нам с Леной только пару раз удалось побыть наедине, но это чертовски мало для меня. Вчера история с этим «отравившимся» закончилась. Он принёс нам публичные извинения, при этом мы ни копейки ему не заплатили. Правда, пришлось отказаться от нескольких корпоративов, но эти убытки – капля в море. Хорошо, когда одноклассники работают в ФСБ и прокуратуре.

Сегодня ресторан работает в полную силу, отбоя от посетителей нет. Лёша с Леной придумали новую акцию, и она сработала так, что во избежание очереди в здание рестора-

на пришлось поставить столики на улице. Но меня сей факт в данный момент не радует, и всё потому, что Лены до сих пор нет на работе. Сидя за своим рабочим столом, я очень нервничаю. Снимаю с блокировки телефон и набираю ей сообщение:

«Меня как наркомана ломает без тебя. Я сейчас кого—нибудь убью, пожалей наш персонал, приезжай».

«Скоро буду», — ответ приходит мгновенно, будто она ждала, когда же я ей напишу.

«Как скоро?»

«Минут через тридцать буду».

«Это долго, очень до—о—о—лго».

«Ничего не могу поделывать, пробки. Поработай для разнообразия. На столе лежит договор, почитай, подпиши».

«Подпишу, даже читать не буду, всё равно ничего не пойму, но тебе я это припомню. Жди наказания за опоздание на работу. У нас вообще—то рабочий день начинается в девять. А сейчас одиннадцать».

«Накажи...»

Ну, вот одно слово, а мне хоть брюки снимай, чтобы пошиву не разошлись. Сажу, жду, барабаню пальцами по столешнице.

Пять минут проходит — пытаюсь прочесть договор, ничего не понимаю.

Семь минут проходит — психую, подписываю и отбрасываю в сторону. Лене доверяю, я вообще редко читаю доку-

менты, которые готовит она, потому что она профи и контролировать её нет смысла.

Восемь минут проходит – чёрт, как же время тянется. Может, снова отжаться раз сто? Раньше не отпустит. Через шесть минут и сорок восемь секунд слышу, как каблучки по паркету стучат, идёт моя красавица. Ну, держись, Елена Прекрасная.

Сижу за столом, принимаю самый суровый вид, а она оста-навливается в дверях и улыбается.

– Елена, ну и как вы собираетесь отрабатывать ваше опоздание на работу?

– А я разве опоздала? – очень хитро улыбается и закрывает за собой дверь на ключ. Подходит ко мне медленно—медленно, как кошка, при этом не разрывая зрительного контакта. Подходит к креслу, опирается попкой о стол.

– Да, вы опоздали, – а мои руки сами юбку задирают, чёрт, она ещё и в чулках. Это выше моих сил. Подсаживаю её на стол, сам поудобнее усаживаюсь в кресле, раздвигаю ножки, стягиваю трусики и прохожусь языком по розовым складочкам. Вот так, без прелюдии, поцелуев в губы и ласковых слов на ушко.

– Сейчас я буду тебя наказывать, я доведу тебя до точки, но не дам кончить. Должна же ты знать, как мне было хреново всё это время, особенно последние полчаса.

Я ласкаю её языком и, почувствовав, что она вот—вот, я отстраняюсь от неё. Стон разочарования ласкает мой слух.

– Ну, Миш, ну пожалуйста!!!

– Не—а, почему опоздала? – дую на клитор, а потом слегка трогаю его пальцем. Она извивается, требуя большего, а я откровенно издеваюсь над ней. – Спрашиваю, почему опоздала?

– Ты же сам попросил съездить и посмотреть новые стулья для вип—зала, – хнычет она на грани истерики.

– Так, значит, это я виноват, – расстёгиваю ширинку, освобождая как кол стоящий орган.

– Только ты.

– Прощаю, – и сразу вхожу на полную длину с мыслями о том, как же оху*нно обладать ею.

Держа её за ноги, я на невероятной скорости толкаюсь в неё. А она тихо стонет, прикусывая губу, потому что нельзя на работе полностью отдаться эмоциям.

Сквозь гул в ушах я слышу за дверью голос Лёши.

– Почему дверь заперта? Где Миха? Лена где? Костя, дай запасной ключ.

Смотрю на неё, а она уже на грани. Я зажимаю ей рот ладонью и рычу.

– Лёша, уйди нахрен отсюда!!!

И в это время она выгибается подо мной со слезами на глазах, а с моей ладони капает кровь. А я следом за ней улетаю...

Ближе к концу рабочего дня я захожу в кабинет друга, ко-

торый что—то усердно печатает на клавиатуре, и по его движениям видно, что он совсем не в добром расположении духа. Лёша таким бывает крайне редко, практически никогда.

– Что такой хмурый? Не даёт никто? – пытаюсь развеселить, но безуспешно.

– Сам не беру, – он не отрывается от экрана ноутбука. – С каких пор в кабинете закрываетесь?

– Отчёт делали, – говорю первое, что на ум приходит.

– А я смотрю, ты шутить изволишь. Упорно делали, как я погляжу, звучно я бы сказал, я оценил. Не стыдно, нет?

– Нет, – улыбка с моей довольной моськи и не собирается ретироваться под натиском хмурого взгляда компаньона. – А если серьёзно, ты чего такой задумчивый?

– С девушкой познакомился, каждый вечер доводит меня до белого каления поцелуями своими, а, как только я начинаю переходить к действию, она сразу домой бежит. Бесит аж. Как будто я семиклассник. Я взрослый мужчина, со мной так нельзя. Если завела – дай, а если не надо, то тогда вообще зачем эти игры.

– Может, она специально это делает, чтобы, так сказать, подогреть твой интерес к себе?

– От такого подогрева я скоро импотентом стану.

– Где познакомился?

– Да так, в универ за Светкой приезжал, она ключи от дома у меня оставила. Ты же знаешь мою сестрицу, без царя в голове вообще. А там это чудо рыжее. Глаза зелёные, ресни-

цы длиннющие, милота просто. Вот и запал я. Каждый день, как придурок, забираю её из универа, довожу до дома, и всё. В гости не приглашает, ко мне ни в какую, ну а про гостиницу я вообще молчу. И что мне делать?

– Правая рука тебе в помощь.

– Я что, пятнадцатилетний пацан руками работать!!!

– Правильно, для этого есть специально обученные дамы.

– Не хочу специально обученных, – капризничает друг.

– Это серьёзно. Спроси прямо, что да как. Зачем с тобой ездит, вечерами в машине зажимается? Чего добивается вообще?

– И как я это спрошу?

– Языком, Лёша, языком. Как зовут—то зеленоглазку твою?

– Маргарита. А если я её спугну, и она потом шарахаться от меня будет?

– Не хило тебя накрыло, друг. Не хочешь спрашивать у неё, спроси у Светки, я так понял, они подруги.

– Ну, да. Ладно, поехал я, через сорок минут у неё пары заканчиваются.

Глава 8

Лёша

Простояв в пробке лишних десять минут, я подъезжаю к знакомому крыльцу родного учебного заведения, неподалёку вижу, как Риту какой—то мудака в свою машину силой запихивает и даёт по газам. Ну, я за ними еду, моргаю фарами, чтобы тот припарковался на обочину, но он не реагирует. Я обгоняю и перегораживаю дорогу, и в этот момент мне вообще похер на то, что этот придурок может мне машину помять, не идиот же он совсем, чтоб на таран ехать. Парень останавливает машину, выбегает, начинает орать какую—то ересь, ну я и вспоминаю некоторые приёмы рукопашного, не зря в школе в Мишкой на секцию ходили. Пока это нечто валяется на асфальте, я открываю заднюю дверь его авто и вытаскиваю перепуганную Маргариту.

– Испугалась? – спрашиваю я, и в ответ она лишь кивает. – Поехали отсюда.

За руку тащу её мимо парня, он уже немного очухался, даже встаёт на колени, но преградить нам дорогу не пытается. Не хочется емуещё раз схлестнуться со взрослым дяденькой. Вместо прямого нападения на меня он одаривает рыжую девушку взглядом, обещающим неминуемую расправу. Я об-

нимаю Риту за плечи, показывая этим жестом, что она под моей защитой. Сажаю к себе в машину и увожу, но только в этот раз не до её дома, а до своего. Думаю, пришло время поговорить. Всю дорогу она, не моргая, смотрит в лобовое стекло и теребит пальчиками ремешок сумочки. Не сопротивляется, когда я помогаю ей выбраться из машины и веду в незнакомую для неё квартиру.

– Проходи, да не трясись ты. Насиловать не буду, – говорю я, пропуская девушку в квартиру. – Иди прямо, в гостиную, я сейчас.

Захожу на кухню, наливаю ей бокал воды и капаю капельки успокоительного, которое есть у меня дома. В комнате Рита сидит на краешке дивана. Спина прямая, напряжённая, ноги сведены вместе, ладошки лежат на коленках, взгляд в пол.

– На, выпей, – подаю ей бокал с успокоительным, она берёт, принюхиваясь к запаху. – Валерьянка это.

Дожидаюсь, когда выпьет, забираю бокал и ставлю на столик рядом с диваном.

– Расскажешь? – интересуюсь я. В ответ она отрицательно качает головой, не смея поднять взгляда на меня.

Такой ответ меня совсем не устраивает. Я достаю мобильник и набираю номер.

– Светик, солнышко моё, ты дома? Давай—ка поднимись ко мне.

Сестра живёт этажом ниже, родители специально купили

квартиры, чтобы мы могли быть всегда рядом и друг друга контролировать.

Света, открыв дверь своим ключом, проходит в гостиную. Увидев заплаканную подругу и встревоженного брата, стоя в дверном проеме, она молча ждёт, что же будет дальше.

– Раз эта красавица, – киваю в сторону Риты, – отказывается говорить, рассказывай ты, – поворачиваюсь к сестре. – Что за мудила на красной ауди к ней подкатывал?

Света сочувствующе смотрит на подругу, но, зная меня, она не может проигнорировать мой вопрос.

– Павел Краснов, на пятом курсе учится, – нехотя отвечает Света.

– И чего он от неё хочет?

– Что непонятного, её он хочет, – лицо Маргариты покрывается красными пятнами от слов подруги. – Караулит он её постоянно в университете. Домой приезжает, под окнами стоит. А тут, наверное, тебя увидел и решил перейти в наступление, – после этих слов Света головой кивает в сторону кухни, чтобы Рита не заметила. Я её понял, я должен услышать что—то очень важное и личное.

– Рита, посиди здесь, хорошо? – обращаюсь к девушке, продолжающей сидеть как каменная. – А мы с сестрой чай сделаем. Ты какой пьёшь?

– Чёрный, простой, без добавок.

– Отлично, я тоже. У меня другого и нет.

– Зачем тогда спрашиваешь? – наконец, она поднимает на

меня свой взгляд.

– Чтобы понять, что ты ещё реагируешь на меня. А то устала в одну точку и не моргаешь даже, – включаю для нее телевизор. – Нужный канал включишь сама.

Она утвердительно кивает. Мы с сестрой покидаем её. Заходим на кухню, я ставлю чайник, Света достаёт чай с полки.

– Говори, – нетерпеливо начинаю я. Ненавижу её театральные паузы, и она знает это.

– На неё поспорили, – шёпотом отвечает Света.

Вот ни хрена ж неожиданность. Я думал, что подобные игрища давно в прошлом.

– Она последняя девственница на курсе, вот и объявили тотализатор: даст или не даст она сыночку ректора.

– Что значит «последняя»? – в голове не укладывается то, что я сейчас услышал. Последняя невинная. – Так, стоп. А ты? – требовательно и строго сверлю взглядом сестру. – Когда ты успела, кто этот мудака?

– Почему сразу мудака?! – встала она в защитную позу. – Ты же себя мудаком не считаешь, хотя у тебя было до фига девиц.

Молодец, сестра, лучшая защита – это нападение, так и быть выслушаю.

– И где они все? А нет ни одной. Потому что попользовался и бросил, – заключает она.

– Ты мне зубы не заговаривай. Он тебя бросил?

– Нет, я его. Не обо мне сейчас речь. Время спора истекает

через неделю. И, судя по действиям Паши, выиграть он решил при любом раскладе. К тому же дело совсем не в деньгах, он у нас парень принципиальный.

– Я её неделю из дома не выпущу, и всё, – решительно говорю я.

– Не получится, братик, у нас сессия, к которой мне, кстати, надо готовиться. Пока.

Света уходит, а осадочек от нашего разговора остаётся. В её ситуации надо тоже разобраться. Когда я проглядел? Ведь вроде она всегда на виду, ночует дома, за этим я слежу – не в открытую, конечно. Да и парня у неё постоянного не было, никогда никого с родителями или со мной не знакомила. После разрешения проблем Маргариты я обязательно вернусь к этому разговору с сестрой, пусть не надеется, что я оставлю её в покое.

Теперь Маргарита. Наливаю ей чашечку крепкого чая и возвращаюсь в зал, попутно выключая в коридоре свет. Марго спит, свернувшись калачиком на диване. Успокоительное подействовало. Как принцесса из сказки, ей богу. Я сажусь на маленький столик у дивана, рядом ставлю чашку чая, смотрю на неё: вроде ничего особенного, но чем—то же зацепила. Достаяю плед, накрываю её и иду обратно на кухню. Наливаю и себе кружку чая, присаживаюсь за стол. Делаю несколько глотков кипятка, обдумывая получившую информацию. Зачем мне всё это надо? Взрослый мужик, и какая—то малолетка, которая младше меня почти на десять лет, к

тому же она одногруппница моей сестры! Стоит ли вмешиваться? А почему нет? Ведь нравится мне она, очень. Вспоминая, как этот сегодняшний упырь хватал Маргариту и сажал в машину, руки сжимаются так, что кружка в руках трескается, хорошо, что чай уже остыл. Выбрасываю осколки в урну, протираю стол. Приревновал я к этому Пашке. Это факт. Значит, не отпущу. Буду добиваться. Прибрав на кухне, иду в спальню, по дороге заглядываю к ней, она спит все в той же позе, что и уснула. Точно, не отпущу. Моя будет эта последняя девственница на курсе.

Миша

– Как ты себя чувствуешь, родная моя? – спрашиваю я, вкладывая в эту фразу огромную нежность и любовь.

– Отлично, сынок, – отвечает мама во время нашего телефонного разговора. – Курс лечения закончен, таблетки мне отменили.

– Давление?

– В норме.

– Может, мне привезти тебе чего—нибудь сладенького?

Отметим.

– Если хочешь, приезжай, конечно. Буду только рада. Но сладкого не нужно, Мишенька. Недавно Леночка была, привезла мне торт.

– Лена? – удивляюсь я, ведь она мне не говорила, что собиралась куда—то после работы, тем более ехать ей сюда тяжело: живёт она на другом конце города.

– Да, они с Максимом проезжали мимо моего дома, вот и заглянули на несколько минут.

– Она была с Максом? – жёстко и нервно спрашиваю я.

– Сынок, что случилось? – напрягается мама. – Что за тон? А с кем ей быть, если не с мужем?

– Ты права, с кем ещё, если не с мужем, – язвительно повторяю я мамину фразу.

– Миша?

– Мамуль, – сделав глубокий вдох, меняю тональность своего голоса, теперь я снова ласковый сын, – я обязательно заеду через пару часиков. Ты жди меня, ладно?

– Хорошо.

Разговор с мамой окончен. Теперь могу выпустить свои эмоции наружу. Со всей дури бью в стену. Она не говорила мне, что он вернулся с командировки. Я думал, что Лена одна, а она от меня возвращается к нему. Интересно, сколько дней он уже согревает её постель? Глаза наливаются кровью от ревности. Наплевав на то, что что он рядом с ней сейчас, я звоню ей. Лена сбрасывает. Нет, милая, так не пойдет. Снова набираю. Лишь на четвертый звонок она отвечает.

– Я занята, – раздраженно тараторит она.

– Мужем? – прямо в лоб спрашиваю я.

– Да, – несколько секунд молчания. – Мы в гостях у его отца.

– А ты мне не говорила, что он приехал.

– А я разве должна отчитываться?

Наш назревающий скандал прерывает трель дверного звонка.

– Кто к тебе пришёл? – спрашивает Лена.

– А разве я должен отчитываться?

Сбрасываю вызов. В дверь продолжают настойчиво звонить. Я нехотя плетусь открывать, опять, наверное, Лёха ключи от дома потерял. У меня три запасных комплекта от его квартиры в тумбочке лежат. Но нет, на пороге стоит его

сестрица.

– Миша, у меня проблема, – заходит в квартиру без приглашения, закрывает за собой дверь.

– Денег больше не дам. Прошлый раз был последним.

– Не в деньгах дело. Я Лёше проболталась, ну что я уже не...

– Не что? – не сразу понимаю, о чём речь, но её розовые щёчки направляют мои мысли в верном направлении. – Не девочка? – она кивает. – И от меня ты что хочешь?

– Поговори с ним, чтобы он не лез ко мне. Ты же знаешь, если он начнет копать, то он всё узнает.

– Света, рано или поздно он и так узнает. Зачем все эти тайны? И я устал тебя прикрывать. Ты мне, конечно, как сестра, и лишь из этих чувств я тебе помогаю.

– Я боюсь, что вы можете поссориться, когда он узнает, что ты мне помог тогда.

– Мы взрослые мальчики, сами разберёмся. Лёха нормальный мужик, что ж ты ему не расскажешь всё?

– А ты был бы рад, если бы к тебе пришла младшая сестра и сказала: «Знаешь, братец, я встречаюсь с женатым мужиком, который старше меня на двадцать пять лет, его старший сын младше меня на год. А ещё я четыре месяца назад сделала аборт, а оплатил его твой лучший друг Миша. Потому что, сидя на приёме у врача, я не смогла тебе позвонить, мне было стыдно. Я позвонила ему, он приехал, увёз меня в частную клинику и оплатил всё». Ну, как звучит?

– Я был бы в шоке, – честно признаюсь я. – Но он любит тебя и всегда тебе помогает.

– Помогать клеить цветочки на открытке для мамы и оплачивать аборт – это не одно и то же.

– Хорошо, я поговорю с ним, но только вряд ли он будет слушать. Ты его знаешь, если он упрётся, его хрен свернёшь.

– Одна надежда на Ритку. Надеюсь, решение её проблем он поставит на первое место.

– Что за проблемы?

– Кофе есть? – спрашивает она, и в ответ я киваю. – Пошли, попьём, и расскажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.